

Боровков Дмитрий Александрович

Ряд Ярослава I в отечественной историографии
XVIII — начала XXI вв.

07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического
исследования

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Москва 2019

Работа выполнена на кафедре истории России средневековья и нового времени Историко-архивного института федерального государственного бюджетного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ).

Научный руководитель: **Петрухин Владимир Яковлевич**
доктор исторических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Дубровский Александр Михайлович**
доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского»; факультет истории и международных отношений, кафедра отечественной истории, профессор

Политов Виталий Викторович
кандидат исторических наук, Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение Школа № 1517 г. Москвы, учитель истории и обществознания

Ведущая организация: Федеральное государственное учреждение науки Институт всеобщей истории Российской Академии Наук, Центр Восточной Европы в Античном и Средневековом мире

Защита диссертации состоится 4 октября 2019 г. в 14.00 на заседании диссертационного совета Д.212.198.03, созданного на базе федерального государственного бюджетного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (125993, г. Москва, Миусская площадь, д. 6).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Российского государственного гуманитарного университета по адресу 125993, ГСП - 3, Москва, Миусская пл., д. 6 и на сайте РГГУ по адресу: http://www2.rsuh.ru/binary/object_77.1548333430.35191.pdf

Автореферат разослан: ___ _____ 20__ г.

Ученый секретарь

Елена Владимировна Барышева

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. Одной из ключевых задач историографии, как отмечалось в работах С. О. Шмидта, Н. В. Иллерицкой, Л. П. Репиной и других исследователей истории исторической науки, является изучение локальных историографических сюжетов в контексте эволюции концептуальных построений историков. В обоснованности этого утверждения можно убедиться, обратив внимание на то, что в последние десятилетия произошла определенная спецификация, вследствие которой место обобщающих трудов, наряду с исследованиями историографии общественного и государственного строя Древней Руси, занимают историографические исследования отдельных общественно-политических явлений древнерусской эпохи.

В работах по истории древнерусской государственности принципиально важным является вопрос о значении раздела городов, который, согласно древнейшей русской летописи — «Повести временных лет», составленной в начале XII в., — незадолго до своей кончины устроил между сыновьями «единовластец Русской земли» князь Ярослав I Владимирович (Мудрый), правивший в Киеве в 1016—1018 и 1019—1054 гг., установив приоритет старшего брата над младшими («старейшинство»). Без упоминания об этом событии (терминологически определяемом как «ряд»), которое в некоторых концепциях считается началом политической раздробленности Древней Руси, не обходится практически ни один общий или специальный труд по отечественной истории, что ставит на повестку дня вопросы о том, *как* изменялась репрезентация этого летописного рассказа исследователями в процессе формирования теорий развития древнерусского общественного строя, и *что* обуславливало трансформацию исследовательских представлений.

Объектом исследования является совокупность работ отечественных историков, содержащих интерпретацию летописного сюжета о разделе

Ярослава I (за исключением эмигрантской историографии и историографии стран СНГ после 1992 г.).

Предметом исследования являются интерпретации представителями различных историографических направлений летописного рассказа о завещании (ряде) Ярослава I в «Повести временных лет», сопутствующие им концептуализации и трансформации исследовательских подходов.

Хронологические рамки исследования охватывают период с начала XVIII до начала XXI в.

Степень изученности проблемы. Несмотря на большое количество работ, затрагивающих проблему междукняжеских отношений в Древней Руси и проблему трансформации политического режима по ряду Ярослава I, специальных исследований ряда как отдельного историографического феномена не проводилось. Существует лишь несколько историографических экскурсов, в которых фрагментарно рассматриваются характеристики ряда Ярослава историками XIX—XX вв.

М. Б. Свердлов в исследовании института княжеской власти в древнерусском государстве рассмотрел оценки ряда, данные Н. М. Карамзиным, А. Ф. М. Рейцем, С. М. Соловьёвым, В. О. Ключевским, М. А. Дьяконовым и А. Е. Пресняковым, С. В. Юшковым и А. В. Назаренко¹.

Е. Н. Дербин в работе, посвященной дореволюционной историографии княжеской власти, рассмотрел оценки ряда в работах М. В. Ломоносова, М. М. Щербатова и Н. А. Полевого².

И. Я. Фроянов в курсе лекций по истории Киевской Руси проанализировал мнения Н. М. Карамзина, С. М. Соловьёва, М. С.

¹ Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII вв. СПб.: Гуманитарная академия, 2003. С. 434–437.

² Дербин Е. Н. Институт княжеской власти на Руси IX – начала XIII века в дореволюционной отечественной историографии. Ижевск: Издательский дом Удмуртского университета, 2007. С. 23, 25, 48.

Грушевского, А. П. Толочко, В. В. Пузанова и некоторых других исследователей³.

Диссертантом была предпринята попытка предварительной классификации, исходя из историографических характеристик ряда либо как политической новации, либо — как ординарного явления в развитии междукняжеских отношений; рассмотрены имеющие источниковедческую направленность оценки ряда в работах С. М. Соловьёва, М. П. Погодина, В. О. Ключевского, М. С. Грушевского, А. А. Шахматова и Л. В. Черепнина⁴.

Цель и задачи исследования. Целью исследования являлось изучение интерпретаций летописной статьи 1054 г. и выявление этапов, обусловивших изменения в подходе исследователей к раскрытию содержания этого текста. Для достижения указанной цели были поставлены и решены следующие задачи: 1) в корпусе историографических текстов, включающих общие работы, монографии, статьи и рецензии, были выявлены и проанализированы авторские интерпретации летописной статьи 1054 г.; 2) установлены общие и особенные черты трансформации интерпретаций, обусловленные влиянием доминирующих теоретических установок (родовая теория, теория общинного быта, феодальная парадигма); 3) произведены обобщение и классификация полученных результатов, позволившие реконструировать эволюцию исследовательских представлений и выявить ключевые моменты в изменении исследовательских подходов.

Источниковая база исследования включает несколько видов историографических источников, которые типологически подразделяются на: 1) общие труды по русской истории, 2) лекционные и обзорные курсы; 3) монографии; 4) статьи по отдельным вопросам развития социально-политического строя, междукняжеских отношений и т. д.; 5) профильные

³ Фроянов И. Я. Лекции по русской истории. Киевская Русь. СПб.: Русская коллекция, 2015. С. 404–406.

⁴ Боровков Д. А. Междукняжеские отношения на Руси конца X — первой четверти XII века и их репрезентация в источниках и историографии. СПб.: Алетейя, 2015. С. 77–81.

части коллективных трудов по отечественной и всеобщей истории; б) памятники средневекового историописания. К *первому виду* источников относятся труды по истории России А. И. Манкиева, В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, Ф. А. Эмина, М. М. Щербатова, Н. М. Карамзина, Н. А. Полевого, Н. С. Арцыбашева, С. М. Соловьёва, Д. И. Иловайского, М. С. Грушевского и др. Ко *второму виду* источников, который отличается от первого как структурой, так и более сжатой формой подачи материала, относятся лекционные курсы Н. Г. Устрялова, В. О. Ключевского, М. Ф. Владимирского-Буданова, М. А. Дьяконова, С. Ф. Платонова, М. К. Любавского и др. К *третьему виду* источников, получившему распространение в результате спецификации исторического знания во второй четверти XIX в., относятся монографии по истории права (А. Ф. М. Рейца, И. Д. Беляева, В. И. Сергеевича, Д. Я. Самоквасова и др.), истории междукняжеских отношений (С. М. Соловьёва, А. Е. Преснякова и др.), истории древнерусского государства (Б. Д. Грекова, С. В. Юшкова, В. В. Мавродина, Б. А. Рыбакова, М. Б. Свердлов, В. Я. Петрухина и др.), истории русских земель (Д. И. Иловайского, П. В. Голубовского, В. Г. Ляскоронского, М. С. Грушевского, В. В. Мавродина и др.), истории древнерусского летописания (А. А. Шахматова, М. Д. Присёлкова, Д. С. Лихачёва, А. Н. Насонова, А. Г. Кузьмина и др.). К *четвертому виду* источников, относятся отраслевые исторические статьи, опубликованные в изданиях «Журнал Министерства народного просвещения»; «Известия Отделения русского языка и литературы императорской Академии Наук», «Вопросы истории», «Исторические записки», «Проблемы источниковедения», «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы», «Древнейшие государства на территории СССР / Древнейшие государства на территории Восточной Европы», «Средневековая Русь» и др. К *пятому виду* источников относятся разделы в многотомных академических коллективных трудах, получивших распространение в середине XX в. («Очерки истории СССР», «История СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической

революции», «История Европы» и др.). К *шестому виду* источников относятся памятники средневекового историописания, содержащие рассказ о ряде Ярослава I: «Повесть временных лет» по Лаврентьевскому, Ипатьевскому, Воскресенскому, Никоновскому спискам; Новгородская I летопись старшего и младшего извода, «Степенная книга» и т. д. При написании работы также использовалась литература, посвященная творческой деятельности историков; литература, посвященная отдельным историографическим направлениям; общие работы по истории русской исторической мысли и т. д.

Методологической основой исследования являлись общенаучные принципы историзма и объективности, в соответствии с которыми рассматриваемая проблема раскрывается в процессе исторического развития. Также применялись сравнительно-исторический, историко-типологический и хронологический методы. Сравнительно-исторический метод использовался для выявления различных теоретических установок в интерпретациях, позволяющих сегментировать процесс развития исследовательских представлений о ряде Ярослава I. С помощью историко-типологического метода осуществлялась классификация историографического материала по теоретическим признакам. Хронологический метод используется для упорядочивания историографического материала по историческим периодам. При разработке типов интерпретации автор опирался на теоретические установки К. Р. Поппера, предполагавшие противопоставление догматической и критической установок мышления, первая из которых характеризуется тенденцией к подтверждению теоретических схем на основе принципа регулярности, а вторая — тенденцией к их пересмотру⁵.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые:

1) был проанализирован комплекс историографических интерпретаций летописного рассказа под 1054 г. о ряде Ярослава I, проведена классификация

⁵ Поппер К. Р. Предположения и опровержения. Рост научного знания. М.: АСТ, 2008. С. 88–93, 211–212.

исследовательских подходов к интерпретации текста, позволившая выделить три их разновидности, определенные как *доконцептуальный подход*, характеризовавшийся пересказом текста источников и минимальным авторским вмешательством в текст летописного рассказа; *концептуальный подход*, характеризовавшийся переходом от пересказа летописного повествования к раскрытию его содержания в контексте теорий о наличии родовых, общинных или феодальных отношений в Древней Руси; *критический подход*, характеризовавшийся выявлением общих и особенных черт текста летописной статьи 1054 г. в сравнении с другими летописными статьями и атрибутированием ее определенному этапу развития летописной традиции;

2) было установлено, что концептуальные интерпретации текста летописной статьи 1054 г. в рамках одной из теорий общественно-политического развития Древней Руси начали появляться в историографии с начала XIX в.; показателем концептуализации летописного рассказа являлась характеристика социально-политических отношений как “феодальных”, “родовых” или “общинных”, придававшая разделу 1054 г. то или иное конкретно-историческое значение;

3) с середины XIX в. наряду с концептуальными интерпретациями, ориентированными на верификацию той или иной теории, началось формирование критических интерпретаций, в рамках которых летописное завещание Ярослава I рассматривалось не как документ, фиксирующий последнюю волю князя о распределении городов и земель и использовавшийся для обоснования той или иной теоретической концепции, а как результат творчества летописцев;

4) в период с середины XIX до начала XXI вв. было выделено четыре этапа критики летописного текста: 1-й этап, на котором статья 1054 г. рассматривалась как результат работы летописцев (С. М. Соловьёв и М. П. Погодин); 2-й этап, на котором статья 1054 г. атрибутировалась “Первому

Печерскому своду” или “своду Никона” нач. 1070-х гг. (Н. В. Шляков и А. А. Шахматов); 3-й этап, на котором статья 1054 г. атрибутировалась “Начальному своду” кон. 1090-х гг. (Л. В. Черепнин) или “Летописцу Всеволода Ярославича” (М. Х. Алешковский); 4-й этап, на котором атрибуция статьи 1054 г. “Начальному своду” получила дополнительное текстологическое обоснование в трудах А. А. Гиппиуса, В. Я. Петрухина и др.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Начальный этап в историографии летописной статьи 1054 г. с изложением завещания Ярослава I характеризовался пересказом текста источников и минимальным вмешательством в текст летописного рассказа о разделе Ярослава I, ограничивающимся заменой понятия «города» на понятие «государство» без какого-либо дополнительного определения, что позволило определить его как *доконцептуальный*.

2. Появление *концептуальных* интерпретаций летописной статьи 1054 г. было обусловлено формированием конкурирующих теорий социально-политического развития древнерусской государственности. Для последователей феодальной теории рассказ о разделе Ярослава I служил основанием выделения одного из этапов “удельного периода”, отождествлявшегося с “феодальной раздробленностью” (до нач. 1830-х гг.). Для сторонников родовой теории (с 1830-х гг.) он являлся обоснованием гипотезы о приоритете “старейшинства” в княжеском роду, обеспечивавшего продвижение князей по иерархии “стольных городов”. Для приверженцев общинной теории (с конца 1850-х гг.) летописный рассказ о разделе 1054 г. служил аргументом в пользу гипотезы об обособлении областей, сформировавшихся вокруг городских центров, в интересах которых действовали князья.

3. В советской историографии, где под воздействием марксистской социологической схемы о последовательной смене социально-экономических формаций наибольшее распространение получила феодальная парадигма

развития древнерусской государственности, летописный рассказ о разделе Ярослава I в конце 1930—1940-х гг. использовался преимущественно как обоснование начала феодальной раздробленности. Отход от этой тенденции к передатировке феодальной раздробленности на конец XI — первую треть XII вв. произошел в процессе конкретизации в 1950—1980-х гг. гипотез о формировании на Руси раннефеодальной монархии и продолжился в 1990—2000-х гг. у исследователей, разделяющих феодальную парадигму, конкуренцию которой с конца 1980-х гг. составили модифицированные варианты родовой и общинной теорий.

4. Параллельно с концептуальными интерпретациями летописного рассказа о разделе Ярослава I с середины XIX в. разрабатывались его *критические* интерпретации, в развитии которых выделено 4 этапа, связанных с трактовкой этого рассказа как позднейшей конструкции летописцев. На первом этапе (в 1850-х гг.) были сформулированы основания этой гипотезы; второй этап был связан с атрибуцией в 1900-х гг. летописного рассказа под 1054 г. киево-печерской летописной традиции 1070-х гг.; третий этап ознаменовался атрибуцией этого рассказа (в кон. 1940-х гг.) летописной традиции 1090-х гг.; четвертый этап — развитием этой тенденции в 2000-е гг.

Структура исследования, разделенного на главы и параграфы, состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы. В первой главе, посвященной историографии ряда Ярослава в XVIII — первой половине XIX вв., рассматривались труды, как не имеющие концептуального подхода к интерпретации летописного рассказа под 1054 г. и ограничивающиеся заменой термина “города” на термин “государство” (1.1), так и содержащие первые попытки концептуальной интерпретации летописного рассказа, но не содержащие критического анализа летописного текста (2.1). Во второй главе рассматривались попытки критической интерпретации летописного текста С. М. Соловьевым и М. П. Погодиным в середине XIX в. (1.2); эволюция концептуальных характеристик ряда Ярослава в родовой (2.2) и общинно-вечевой (3.2) теориях во второй половине XIX — начале XX вв., которая

осталась на докритических позициях; возврат к критической интерпретации ряда в работах Н. В. Шлякова, А. А. Шахматова, М. Д. Присёлкова в начале XX в. (4.2). В третьей главе рассматривались характеристики ряда в историографии второй трети XX — начала XXI вв. в рамках феодальной парадигмы — совокупности исследовательских трактовок феодального строя, сложившихся на основе марксистской интерпретации исторического процесса в 1930—1980-х гг. (1.3); интерпретации ряда в источниковедческих трудах М. Д. Присёлкова, Д. С. Лихачёва, Л. В. Черепнина, А. Н. Насонова и др. (2.3); концептуальные и критические интерпретации ряда в рамках конкурирующих историографических теорий, получивших развитие в 1980—2000-х гг. (3.3). Результаты работы и перспективы дальнейших исследований были сформулированы в заключении.

Практическая значимость исследования. Материалы диссертации могут использоваться при написании общих работ по истории Древней Руси, работ по историографии, а также в процессе преподавания курсов соответствующего профиля.

Апробация темы. Работа прошла обсуждение на кафедре истории России средневековья и Нового времени. Основные положения работы изложены автором в публикациях по теме диссертации.

В первой главе «**Формирование исследовательских представлений в XVIII — 1-й половине XIX вв.**» были проанализированы интерпретации ряда Ярослава I, данные А. И. Манкиевым, В. Н. Татищевым, М. В. Ломоносовым, Ф. А. Эминым, М. М. Щербатовым, М. Н. Муравьёвым, Н. М. Карамзиным, Н. А. Полевым, Н. Г. Устряловым, А. Ф. М. Рейцем, К. Д. Кавелиным и др. Характер этих интерпретаций позволяет выделить внутри указанного периода два исследовательских подхода, которые рассматриваются в двух параграфах первой главы.

В параграфе 1.1. «*Интерпретации ряда Ярослава I в историографии XVIII в.*» были рассмотрены интерпретации ряда в работах по русской истории А. И. Манкиева, В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, Ф. А. Эмина, М. М. Щербатова, общей чертой которых являлся пересказ летописной статьи 1054 г. с изложением ряда Ярослава I по тексту памятников позднего русского летописания («Степенная книга» у Манкиева, Никоновская летопись у Татищева, Радзивилловская летопись или ее копия — у Ломоносова), где авторское вмешательство в летописный текст, как правило, ограничивалось заменой терминов, позволивших представить раздел 1054 г. не в качестве раздела городов, а в качестве раздела государства. Появление развернутых интерпретаций было связано с историческими работами Ф. А. Эмина, у которого пересказ статьи 1054 г. носил литературный характер, не вполне соответствующий свидетельствам источников, и М. М. Щербатова, который не ограничился пересказом содержания ряда, а попытался определить его значение для регулирования порядка наследования власти. Для вышеперечисленных интерпретаций характерно отсутствие выраженной концептуально-теоретической характеристики раздела 1054 г., что позволяет охарактеризовать подход упомянутых исследователей как *доконцептуальный*.

В параграфе 2.1. «*Ряд Ярослава I в историографии конца XVIII — середины XIX вв.: первые концептуальные интерпретации*» были рассмотрены первые попытки интерпретации ряда, в которых пересказ

летописного текста дополнялся авторскими оценками, обусловленными сложившейся в историографии последней трети XVIII в. тенденцией к проведению аналогий между социально-политическими процессами в Древней Руси и Средневековой Европе, под влиянием которой период уделов, начавшийся на Руси в 970 г. с разделом княжений между сыновьями Святослава I, стал уподобляться периоду феодальной раздробленности в Западной Европе, а раздел княжений по ряду Ярослава в 1054 г. — рассматриваться как один из этапов этого процесса (в работах М. Н. Муравьева, Н. М. Карамзина, Н. А. Полевого). Изменение идеологической конъюнктуры, выразившееся в противопоставлении с начала 1830-х гг. исторического развития России и Европы, привело к тому, что теория феодальных отношений была вытеснена теорией родового быта, разработанной И. Ф. Г. Эверсом, в рамках которой ряд Ярослава I стал рассматриваться как правовой фактор регулирования отношений в княжеском роду, установивший приоритет старейшего его представителя (А. Ф. М. Рейц, Н. Г. Устрялов). Развитие этой концепции привело к формированию в рамках родовой теории гипотезы о «лествичном восхождении» князей, предусматривавшей, что управление тем или иным городским центром («стольным городом» или столом) должно было соответствовать генеалогическому старшинству князей (М. П. Погодин), а установление подобного порядка было приписано ряду Ярослава (К. Д. Кавелин), который, таким образом, получил определенную концептуальную нагрузку, что позволило охарактеризовать рассмотренный в параграфе 2.1 исследовательский подход к интерпретации ряда в указанный период как *концептуальный*, но лишенный каких-либо элементов внутренней критики летописной статьи 1054 г.

Во второй главе: **«Формирование исследовательских представлений в середине XIX — начале XX вв.»** были проанализированы интерпретации ряда Ярослава I, данные С. М. Соловьёвым, М. П. Погодиным, К. А. Неволиным, Д. И. Иловайским, В. О. Ключевским, С. Ф. Платоновым, М. К.

Любавским, М. Ф. Владимирским-Будановым, А. Е. Пресняковым, И. Д. Беляевым, Н. И. Костомаровым, В. И. Сергеевичем, Н. В. Шляковым, А. А. Шахматовым и др.

В параграфе 1.2. «*Первые критические интерпретации ряда Ярослава I в середине XIX в.: С. М. Соловьёв и М. П. Погодин*» были рассмотрены первые опыты источниковедческой критики летописного рассказа 1054 г. о ряде Ярослава I, предпринятые С. М. Соловьёвым в монографии «История отношений между русскими князьями Рюрика дома» (1847) и М. П. Погодиным в IV томе «Исследований, замечаний и лекций о русской истории» (1850). Диссертантом было продемонстрировано, что именно с наблюдениями С. М. Соловьёва (для которого, в данном случае, характерно дистанцирование от предшествующей историографической традиции), были связаны первые критические наблюдения над текстом статьи 1054 г., которые позволили раскрыть содержание летописного рассказа о ряде Ярослава не как «факт несомненный», а как совокупность устойчивых литературных формулировок (позднее, в XX в., получивших наименование «литературного этикета»). Эта тенденция (в менее конкретной форме) была продолжена М. П. Погодиным, также рассматривавшим упомянутую статью как результат творчества летописца, а до этого установившим сюжетную взаимосвязь летописных статей 1054 г. (с рассказом о кончине Ярослава I) и 1093 г. (с рассказом о кончине Всеволода Ярославича). Дальнейшего развития в работах упомянутых исследователей она не получила, равно как и произведенный С. М. Соловьёвым сравнительный анализ ряда Ярослава I с аналогичными установлениями о приоритете старшего представителя княжеского рода в Чехии («завещание» Бржетислава I в хронике Козьмы Пражского под 1055 г.) и Польше («завещание» Болеслава III Кривоустого 1138 г. в хронике Винцентия Кадлубка). С начала 1850-х гг. внимание Соловьёва и Погодина было сфокусировано на концептуальных трактовках ряда Ярослава I, использовавшегося в качестве иллюстрации положений родовой теории о

приоритете «старейшинства», установлении порядка наследования волостей по «отчине» и т. д.

В параграфе 2.2. *«Интерпретации ряда Ярослава I в теории родового быта во второй половине XIX — начале XX вв.»* было продемонстрировано, что критические интерпретации летописного рассказа о ряде Ярослава I в рамках родовой теории практического развития не получили, поскольку внимание исследователей фокусировалось на концептуальных интерпретациях. В частности, анализ лекций В. О. Ключевского первой половины 1870-х и начала 1900-х гг. показал, что он ограничивался беглым замечанием о том, что завещание Ярослава могло быть «сочинением летописца», отдавая приоритет выяснению роли ряда в формировании родовых отношений и освещению экономических факторов раздела 1054 г. Анализ интерпретаций ряда в лекционных курсах С. Ф. Платонова и М. К. Любавского выявил их теоретическую зависимость от трактовки Ключевского, но без подобных «источниковедческих» оговорок. Попытка дистанцироваться от влияния концептуальных построений Ключевского и экономических аспектов его интерпретации ряда Ярослава была предпринята А. Е. Пресняковым, пытавшимся заменить гипотезу о родовых отношениях гипотезой об отношениях семейных, но продолжавшего следовать за Ключевским в вопросе о преемстве киевского стола по принципу «старейшинства». В работах других приверженцев родовой теории (К. А. Неволин, Д. И. Иловайский, П. Н. Мрочек-Дроздовский, Н. А. Рожков и др.) интерпретация ряда Ярослава I ограничивалась выявлением правовых аспектов, касавшихся приоритета старшинства в наследовании столов. Общей чертой для упомянутых исследователей являлось нивелирование политического значения раздела 1054 г., рассматривавшегося как ординарный правовой акт, не отличавшийся от предшествующих разделов конца X — первой половины XI в.

В параграфе 3.2. *«Интерпретации ряда Ярослава I в теории общинного быта во второй половине XIX — начале XX вв.»* были проанализированы

концепции исследователей, подчеркивавших общинный характер социально-политических отношений в Древней Руси. Анализ работ И. Д. Беляева и Н. И. Костомарова позволил пересмотреть традиционное определение сформулированной ими социально-политической модели как *общинно-вечевой*, в которой внимание акцентировалось на роли веча и преуменьшалось значение князей в организации общинного быта, охарактеризовав ее как *общинно-княжеский дуализм*, более точно выражающего суть взаимодействия общины и князей, поскольку их власть до кончины Ярослава I рассматривалась как «близкая единодержавию» (И. Д. Беляев), а в некоторых случаях, и как имевшая приоритет над народными интересами (что нашло выражение в разделе Ярослава), тогда как приоритет веча над княжеской властью появился лишь в XII в. (Н. И. Костомаров). Раздел 1054 г. рассматривался приверженцами этого направления как один из этапов в становлении независимости уделов, составлявших федерацию областей, единство которой обеспечивалось представителями одного княжеского рода, а установление приоритета «старейшинства» для замещения стольных городов трактовалось как формальность. Акцентирование внимания на правовых аспектах ряда Ярослава, как и в родовой теории, привело к догматизации концептуальных интерпретаций летописной статьи 1054 г., вследствие чего критика ограничивалась общими замечаниями о том, что завещание князя «сохранено летописцем далеко не вполне» (В. И. Сергеевич) и что «оно могло быть вложено в уста Ярослава любым современным книжником» (М. С. Грушевский).

В параграфе 4.2. *«Критические интерпретации ряда Ярослава I в начале XX в.: концепция Н. В. Шлякова — А. А. Шахматова — М. Д. Присёлкова»* был рассмотрен второй критический этап в историографии ряда Ярослава, связанный с формированием гипотезы о “Первом Печерском своде 1073 г.” (своде Никона), возникшей в результате установления сюжетной общности летописной статьи 1054 г. (запрет Ярослава сыновьям нарушать «предел братень» и изгонять друг друга из волостей) и 1073 г. (нарушение этого

запрета после изгнания из Киева Изяслава Ярославича младшими братьями Святославом и Всеволодом). По сложившейся историографической традиции начало этого этапа связывалось с наблюдениями А. А. Шахматова, сформулированными в монографии «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» (1908). Диссертантом было установлено, что часть этих наблюдений (включая установление взаимной связи между летописными статьями 1054 и 1073) принадлежит Н. В. Шлякову (опубликовавшему результаты своих исследований в «Журнале Министерства народного просвещения», №6 за 1907), и предложено атрибутировать Н. В. Шлякову гипотезу о Первом Печерском своде, его датировку, определение некоторых составных частей (рассказ о разделе земли между сыновьями Ноя, рассказ о вероломстве Изяслава Ярославича по отношению к Всеславу Полоцкому под 1067—1068, и др.), а выявление большей части сюжетов в составе свода, их атрибуцию монаху Киево-Печерского монастыря Никону — А. А. Шахматову, адаптировавшему некоторые из наблюдений Н. В. Шлякова для разработанной им концепции Начального летописания, получившей развитие у М. Д. Присёлкова, который поддержал гипотезу о том, что летописный текст с изложением ряда Ярослава был составлен в 1073 г. и выражал оппозиционные настроения Киево-Печерского монастыря по отношению к Святославу Ярославичу.

В третьей главе: **«Формирование исследовательских представлений во второй трети XX — начале XXI вв.»** анализируются интерпретации ряда Ярослава I в историографии советского и постсоветского периода.

В параграфе 3.1. *Ряд Ярослава I в феодальной парадигме советской историографии 1930—1980-х гг.*» были проанализированы концептуальные интерпретации летописной статьи 1054 г., данные с позиции марксистской социологической схемы, предусматривавшей последовательную смену базировавшихся на определенном способе производства социально-экономических формаций (первобытно-общинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической, коммунистической), в рамках которой раздел

1054 г. вновь стал трактоваться как один из этапов развития на Руси феодального строя. Первые характеристики раздела, сформулированные во второй половине 1930-х гг., находились под влиянием концепции К. Маркса о «готической империи Рюриковичей», сформировавшейся в процессе варяжской экспансии и представлявшей начальный этап развития феодальных отношений, который определялся как «вассалитет без ленов или с ленами, существовавшими только в форме сбора дани». Б. Д. Греков синтезировал эту концепцию с такими установками дореволюционной историографии как отождествление «удельного периода», начавшегося после смерти Ярослава и «феодальной раздробленности». С. В. Юшков, напротив, пытался дистанцироваться от нее, сосредоточившись на предоставляемых феодальной парадигмой возможностях интерпретации ряда Ярослава I с точки зрения вассально-сюзеренных отношений, существование которых постулировалось за счет наполнения родовой терминологии, употреблявшейся в летописях (в том числе, термина «старейшинство») феодальным содержанием. В процессе развития феодальной парадигмы в 1940-х гг. произошел отказ от характеристик, предложенных К. Марксом, в пользу определения Руси как раннефеодального государства, начался пересмотр датировки феодальной раздробленности, которая стала соотноситься не с разделом 1054 г. (Б. Д. Греков, С. В. Бахрушин, В. В. Мавродин в 1940-е гг., Б. А. Рыбаков в 1960-е гг.), а с решениями Любечского съезда в конце XI в. (В. В. Мавродин в 1950-е гг.), либо со второй третью XII вв. (Б. А. Рыбаков и П. П. Толочко в 1980-е гг.). Раздел 1054 г. стал рассматриваться, прежде всего, как раздел исторического ядра древнерусского государства — «Русской земли» в Среднем Поднепровье (А. Н. Насонов в 1950-е гг., В. Т. Пашуто в 1960-е гг. и др.).

В параграфе 3.2. *«Интерпретации ряда Ярослава I в советском источниковедении»* были рассмотрены оценки ряда, данные М. Д. Присёлковым, Д. С. Лихачёвым, А. Н. Насоновым, которые аксиоматизировали в рамках феодальной парадигмы наблюдения А. А. Шахматова об атрибуции летописного рассказа о ряде Ярослава “своду

Никона” 1073 г., в то время как предпринятая в 1948 г. Л. В. Черепниним попытка атрибутировать летописные статьи 1054 и 1073 гг. составителю “Начального свода” конца 1090-х гг., которая была охарактеризована диссертантом как третий этап в развитии критических интерпретаций, дальнейшего развития не получила (как и попытка М. Х. Алешковского дистанцироваться от гипотезы о “Первом Печерском своде” 1073 г. в пользу гипотезы о “летописце Всеволода Ярославича”).

В параграфе 4.2. *Ряд Ярослава I в историографии конца XX — начала XXI века: от концептуального плюрализма к источниковедческой критике* были рассмотрены концептуальные интерпретации ряда как в рамках феодальной парадигмы, следовавшей тенденции к нивелированию политического значения раздела 1054 г., сложившейся в советской историографии 1950—1980-х гг. и подчеркивавшей сохранение единства древнерусского государства до второй четверти XII в. (С. В. Алексеев, М. Б. Свердлов, Л. В. Минникова и др.), так и конкурирующих с ней теорий развития междукняжеских отношений. В рамках модифицированного варианта родовой теории, получившего во второй половине 1980-х гг. название теории «родового сюзеренитета», были возобновлены сравнительно-типологические исследования раздела 1054 г. с разделами 1055 г. в Чехии, 1138 г. в Польше, 806 и 817 гг. в империи Каролингов, которые позволили охарактеризовать установление приоритета «брата старейшего» по ряду Ярослава в 1054 г. как заключительный этап развития «родового сюзеренитета» или «братского совладения» и постепенно дистанцироваться от феодальной парадигмы (А. В. Назаренко). В рамках модифицированного варианта теории общинного быта раздел 1054 г. был интерпретирован как результат влияния на политику Ярослава I центробежных тенденций городских общин, который привел к распаду «Русской земли» в Среднем Поднепровье (И. Я. Фроянов) и образованию сложного союза федераций во главе с ее главными городами — Киевом, Черниговом и Переяславлем (В. В. Пузанов). Параллельно с развитием упомянутых концептуальных интерпретаций в плане

источниковедческой критики летописного рассказа под 1054 г. на основании текстологических наблюдений сложилась тенденция от атрибуции ряда Ярослава “своду Никона” 1073 г. (А. А. Гиппиус) к атрибуции составителю “Начального свода” 1090-х гг. (В. Я. Петрухин, С. М. Михеев и др.), что позволило охарактеризовать данный сегмент развития историографии ряда как четвертый критический этап, продолжающий наблюдения Л. В. Черепнина.

В *Заключении* сформулированы основные выводы исследования, касающиеся выявления в трудах русских историков XVIII — начала XXI вв. трех подходов к интерпретации ряда Ярослава I, обозначенных как доконцептуальный, концептуальный и критический.

Доконцептуальный подход, характеризовавшийся воспроизведением исследователями летописной статьи 1054 г. по тексту «Степенной книги» или поздних списков «Повести временных лет» (Никоновский, Радзивилловский, Воскресенский) без какой-либо концептуальной нагрузки (А. И. Манкиев, В. Н. Татищев, М. В. Ломоносов и др.).

Концептуальный подход начал формироваться в конце XVIII — первой половине XIX вв., когда в результате конкуренции феодальной (М. Н. Муравьев, Н. М. Карамзин, Н. А. Полевой и др.) и родовой теорий (И. Ф. Г. Эверс, А. Ф. М. Рейц, К. Д. Кавелин и др.), практика воспроизведения летописного текста вытесняется концептуальными интерпретациями исследователей, постепенно приобретающими теоретическую нагрузку;

Критический подход, развитие первого этапа которого связано с появлением в середине XIX в. работ С. М. Соловьёва и М. П. Погодина, где были предприняты попытки критической интерпретации летописного рассказа о ряде Ярослава I.

Хотя во второй половине XIX — начале XX вв. концептуальный и критический подход сосуществовали параллельно, этот период охарактеризовался лишь появлением конкурирующих концептуальных интерпретаций ряда, сделанных в рамках родовой теории (К. А. Неволин, В.

О. Ключевский, Д. И. Иловайский и др.) и теории общинно-вечевого быта (И. Д. Беляев, В. И. Сергеевич, Н. И. Костомаров, М. С. Грушевский и др.), которую представляется более точным назвать теорией общинно-княжеского дуализма.

Второй этап в развитии критического подхода ознаменовался анализом летописного рассказа о ряде Ярослава I в вышедших в начале XX в. работах Н. В. Шлякова, А. А. Шахматова и М. Д. Присёлкова, в результате которой его появление было связано с составлением “Первого Печерского свода” 1073 г. под руководством монаха Никона. Результаты, достигнутые на этом этапе, были синтезированы с концептуальными установками феодальной парадигмы, базировавшейся на идеологических установках классиков марксизма, доминировавших в историографии 1930—1980-х гг., в процессе развития которой раздел княжеств по ряду Ярослава рассматривался как начало феодальной раздробленности древнерусского государства (Б. Д. Греков, С. В. Бахрушин, ранний В. В. Мавродин), что в определенной степени сближало ее с дореволюционной историографией, но впоследствии утратил этот статус в связи с датировкой распада государства вследствие феодальной раздробленности концом XI в. (поздний В. В. Мавродин) или рубежом первой и второй трети XII в. (Б. А. Рыбаков, П. П. Толочко).

Третий этап в развитии критического подхода к интерпретации ряда Ярослава, связанный с попытками Л. В. Черепнина и отчасти М. Х. Алешковского, пересмотреть атрибуцию ряда “своду Никона”, логического продолжения в советской историографии не получил. Пересмотр доминировавшей в советской историографии атрибуции ряда в рамках концепции А. А. Шахматова в пользу предложенной Л. В. Черепниным гипотезы о появлении ряда Ярослава в “Начальном своде” 1090-х гг., стал возможен в ходе четвертого этапа развития критического подхода в начале XXI в. (теоретически связанного с третьим этапом) на фоне разработки концептуальных интерпретаций ряда в рамках альтернативных феодальной парадигме теорий.

Несмотря на то, что наиболее заметные сдвиги достигались благодаря критике содержания летописного рассказа о ряде Ярослава I, приоритетом исследователей в большинстве случаев являлась его концептуальная интерпретация, с целью иллюстрации той или иной теории междукняжеских отношений.

Разработка проблемы может быть продолжена за счет изучения авторских интерпретаций ряда Ярослава I в зарубежной русистике.

Основные положения диссертации опубликованы в журналах, входящих в перечень рецензируемых изданий, рекомендованных ВАК:

- 1) Боровков Д. А. Интерпретации летописного рассказа о «ряде» Ярослава I в творчестве С. М. Соловьёва и М. П. Погодина // Исторический журнал: научные исследования. 2016. №5. С. 512–515. DOI: 10.7256/2222-1972.2016.5.19547;
- 2) Боровков Д. А. К вопросу об атрибуции гипотезы о Первом Печерском своде (Н. В. Шляков или А. А. Шахматов) // Славянский альманах. 2017. №1-2. С. 380–384;
- 3) Боровков Д. А. Критические интерпретации ряда Ярослава I в историографии XX — начала XXI вв. (от свода Никона к Начальному своду) // Исторический журнал: научные исследования. 2017. №1. С. 72–78. DOI: 10.7256/2222-1972.2017.1.19918;
- 4) Боровков Д. А. Рассказ о разделе Русской земли Ярославом I в трудах В. О. Ключевского // Славяноведение, 2018. №2. С. 110–116.